

«ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ» КУЛЬТУРЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МИРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ НЕ НАЙДЕН: ПУТЬ «ПРОСЧЁТОВ И ОШИБОК» В РЕАГИРОВАНИИ НА ВЫЗОВЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Аннотация: Логика мышления рационально мыслящих философов, учёных иных научных специальностей, военно-политической элиты предполагает анализ ошибок и просчётов, допущенных в реагировании на вызовы культуры военной безопасности [1]. Актуальность такого подхода обусловлена тем, что в современных условиях войны и вооружённые конфликты учащаются, а существующие механизмы их предотвращения, нейтрализации и ликвидации не приносят должного эффекта. В статье рассматриваются просчёты субъектов военно-политической практики в данной области.

Ключевые слова: культура военной безопасности; вызовы и угрозы безопасности общества и государства; метод проб и ошибок в обеспечении безопасности; субъекты военно-политической деятельности по предотвращению, нейтрализации и ликвидации угроз и вызовов культуре военной безопасности.

S. Vershilov

“PHILOSOPHERS’ STONE” OF CULTURE OF MILITARY SAFETY IN A
WORLD SOCIAL MATTER IT IS NOT FOUND: A WAY «MISCALCULATIONS AND
ERRORS »IN REACTION TO CALLS PROCEEDS

Abstract: The logic of thought of thinking philosophers, scientists others fields, military elite supposes the analysis of miscalculations and mistakes made in call reaction of military safety culture. The actuality of this approach is the following: armed conflicts are become more frequent in modern conditions of war, present mechanisms of preventions and liquidate them are not effective. This article is about miscalculations of types of military and political practice in this province.

Key words: culture of military safety; calls and threats of safety of a society and the state; a trial and error method in safety; subjects of military-political activity on prevention, neutralisations and liquidations of threats and calls to culture of military safety.

Поскольку потенциальная военная опасность в мире сохраняется, а реальная существует, постольку необходимо уяснение допущенных просчётов и ошибок в войнах и вооружённых конфликтах эпохи глобализации. Трудно подвергнуть сомнению, что решение обозначенной задачи поможет обнаружить «философский камень» культуры военной безопасности. Это, как справедливо полагал в конце XX столетия Вал.В. Чебан: «...имеет не только научно-практическое, но и нравственно-политическое значение» [2].

Первый просчёт. Субъекты военно-политической деятельности почти не проявили себя в том, чтобы культура военной безопасности стала практически воплощаемой и результативной.

Как представляется, в её основу требуется положить бережное отношение к мировому сообществу, диалектический подход к прошлому и настоящему, транспа-

рентное и принимаемое большинством людей международное право в военной области.

Немаловажен, и здесь следует согласиться с утверждением А.И. Николаева: «... учёт ценностей человечества и стремление привести их к общему знаменателю» [3]. Такой подход при сопоставлении потенциала заявленного в теме статьи явления с содержанием и динамикой угроз, поможет спрогнозировать будущее человечества и скорректировать планетарное сознание.

Вне всякого сомнения, жизнеустройство по пути бед и завалов, которые образовались в результате неадекватного реагирования на вызовы в военной области в эпоху глобализации, объективно исчерпало себя.

Несоизмеримо высока цена провальной деятельности военно-политических элит и отсутствие внимания к научным подходам по выявлению эффективной миссии культуры военной безопасности.

Таким образом, этап «разбрасывания камней» не оставил ни пространственно-временных координат, ни возможности «работы над ошибками». Вот почему, с одной стороны, не следует умалять опасности для мировой социальной материи быть отброшенной на сотни лет назад, а с другой — необходимо задуматься над тем, как «собрать разбросанное» с минимальными потерями для человечества.

Ошибка вторая предполагает ясное понимание следующего: при определении и внедрении в практику многообразных преобразований в военной области целесобразно исходить из диалектического принципа, а не «голового» отрицания.

Её исправление предполагает поиск ответа на вопрос: представляет ли планетарная реальность результат неостребованности наличного потенциала национальных культур военной безопасности, или она стала следствием негатива недавней стратегии их развития? Скорее всего, второе, поскольку безудержное стремление некоторых эгоистично настроенных лидеров разрешать возникающие конфликты главным образом с позиции силы всё чаще ставит некоторые нации и народности на грань катастрофы.

Помимо этого, ярко выраженное желание военно-политических элит ряда государств (Чехии, Польши, Грузии, отчасти Украины и других) к безоглядному впитыванию чужих образцов защиты и нападения сохраняет угрозу потери своеобразных (сильных) сторон своих культур военной безопасности. По суждению Г.Ф. Назаровой: «Не безобидно забвение своего пути. Национализм культурно опасен. Опора на национальность культурно необходима» [4].

Достаточно весомой в этом смысле представляется и идея Н.К. Столяровой: «...подражательство на деле приводило к значительному отклонению от предначертанного объективными условиями самостоятельного пути, после чего страна под давлением этих условий ... возвращалась в свою историческую нишу. Первоначальный выигрыш во времени превращался в свою противоположность, а все утраты, риски и жертвы оказывались огромными и невосполнимыми» [5].

Следовательно, становится весьма актуальным создание механизма эффективного претворения в жизнь традиционных свойств культуры, с помощью которых военная политика прагматизма разных народов сможет остановить дальнейшее сползание мирового сообщества в пропасть.

Третий просчёт. При возникновении вооружённого конфликта стороны, искренне заинтересованные в его ликвидации, ищут, как правило, лишь одно универсальное средство.

Но прошлое и настоящее убеждают в ином — на комплексное образование,

каковым является война, следует воздействовать системно многими средствами. В итоге такого влияния на конфликтообразующую основу, участников борьбы и инструменты вооружённого конфликта практически полностью глушится всё деструктивное явление.

Логично предположить, если воздействие будет сконцентрировано по одному направлению, претворяться в жизнь единственным способом, то оставшиеся без внимания остальные элементы конфликта создадут узлы напряжённости в других регионах.

Так, концентрация усилий России в решении чеченского кризиса исключительно на уничтожение инструмента конфликта в лице незаконных бандформирований на практике «вынесла» его за пределы первоначальной зоны и стимулировала противоречия как в конфликтообразующей основе, так и вне её. По мнению ряда аналитиков, партизанско-террористическая война в Чеченской республике будет продолжаться в ближайшие годы [6].

Не подлежит сомнению, грубая сила, применённая в решении сложных и запутанных проблем мировой социальной материи, сама по себе является источником новых изломов и противоречий – это **четвёртая ошибка**, которую следует уяснить и не допускать в будущем.

В итоге конфликтообразующая основа не локализуется, а, наоборот, расширяется, что вполне сравнимо с тушением костра, когда сильное воздействие на горящий материал приводит к его разбросу на более значительную территорию, покрытую сухим хворостом. В такой ситуации, как считает Т.В. Филатов: «...в конце концов, будет найден не искомый эликсир жизни, а абсолютный экстракт смерти, к которому с необходимостью приводит любое насильственное действие» [7].

Кроме того, борьба за власть всегда затрагивает, прежде всего, силовые структуры, поскольку военная аргументация своего права на руководство остаётся достаточно популярной, несмотря на заверения и призывы к цивилизованному решению споров.

Таким образом, в подобной ситуации важно демонстрировать силу примера планетарного сознания в обеспечении военной безопасности, а не наоборот, пример силы в нагнетании международной напряжённости.

Пятой ошибкой реагирования на вызовы культуры военной безопасности необходимо назвать следующую – не просчитываются негативные последствия принимаемых решений. Особенно тех, которые рождаются в спешке, отражают «смелость» инициаторов «энергичного» ответа и желание «проучить» конфликтующие стороны.

Порой это приводит к непоправимому – власть предрержащие допускают роковые просчёты в военных делах, что оборачивается дополнительными жертвами и потерями.

Так, например, трагические события в Будённовске красноречиво свидетельствуют о слабом прогнозировании отрицательного развития событий после принятия решения на ввод федеральных войск в конце 1994 года в Чечню. Сам же поход группировки Вооружённых сил РФ, рассчитанный на блицкриг, вылился в долгую войну, которая обернулась гибелью десятков тысяч воинов и мирных граждан, разрушениями и другими бедами для миллионов людей.

Вывод здесь очевиден – следует придерживаться приоритета логики разума над абсурдным мышлением. Об этом заявляют во многих частях планеты, в том числе, в США. Например, профессор Принстонского университета П. Эванс утверждает

ет: «...политическим элитам необходимо обладать здравым смыслом при выработке целей и осуществлении руководства» [8].

Шестой просчёт представляется таким — очень часто даже военные успехи государства оборачивались в ближайшем будущем горькими поражениями [9].

Думается, что неоспоримо утверждение немецкого теоретика К. Клаузевица: «Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами. Отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного» [10]. Правомерно утверждать: те или иные достижения в военном деле никогда не смогут быть окончательными и совершенными.

Дело в том, что любое нанесение поражения противнику — это не только деятельность полководцев и генералов, но и стратегические, тактические и организационные решения, которые способствовали успеху. Споры нет, они становятся залогом следующих побед и уверенности победителей, что именно их необходимо придерживаться в будущем. В случае, если одержанные победы приводят к впечатляющим результатам вооружённых сил и государства в целом, то происходит, к сожалению, автоматическое консервирование военной теории данной страны — это, с одной стороны. А с другой — проигравшие начинают активный поиск средств и методов взять реванш, что часто способствует развитию не только военной составляющей, но и самого государства, в то время как «победитель» начинает отставать, свято веря в незыблемость своих апробированных принципов.

Нельзя не обозначить и такую **ошибку (сельмую)**. Разработчики планов (проектов, вариантов решений) и непосредственно несущие ответственность за принятые решения остаются неизвестными, а, следовательно, — безнаказанными. В итоге всегда присутствует только «крайний», на которого и обрушивается шквал критики за непродуктивность и неэффективность предпринятых действий, способствовавших эскалации конфликта.

Так, например, было в случае вооружённой агрессии Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года. В недалёковидности проводимой политики осуждению со стороны ряда руководителей государств (России, Китая, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Афганистана) подвергся грузинский президент М. Саакашвили и его тоталитарный режим. Те же, кто стоял за их спиной, указывал на направление военной акции и инициировал деструктивные действия, дестабилизируя и без того накалённую обстановку на Северном Кавказе, так и «не вышли из тени».

Вне всякого сомнения, подобная ситуация в планетарном масштабе сохранится и на ближайшие десятилетия. Когда ещё военно-политические «игроки», призванные открывать и прокладывать «новые тропы» в мир будущего человечества, задумаются о своём истинном предназначении или на них «снизойдёт озарение»?

Восьмой просчёт. Во взаимосвязанном мире вооружённые столкновения не проходят бесследно. Любое реагирование на вызов культуры военной безопасности тесно взаимосвязано с другими сферами жизни общества и, следовательно, оно трансформируется и оказывает влияние на многие государства и народы.

Не подвергается сомнению тот факт, что нарушение или разрыв экономических и торговых отношений отрицательно воздействует на хозяйственную жизнь далёких от конфликта стран. В свою очередь, дискредитация, нарушение прав человека и, тем более, народов целых стран, преследования и геноцид создают такую миграционную волну, которая способна снести политические устои государств, обострить социальную ситуацию в странах и вызвать новую напряжённость в различных частях планеты.

В этой связи непреложным следует считать утверждение В.В. Серебрянникова: «Развитие и поддержание оборонной мощи ... не должно подрывать экономический, научно-технический, духовно-культурный рост» [11].

Вот почему анализ и практическую деятельность по локализации и ликвидации конфликтных ситуаций необходимо осуществлять с учётом экономических, социально-политических, демографических, духовных, международных и иных факторов.

Девятая ошибка. Достаточно часто проявляется упрощённый подход к вооружённому конфликту как к явлению, поддающемуся жёсткой фиксации и «математизации».

На самом деле носителем столкновений выступают люди, наделённые психикой, диапазон которой трудно измерить, и определить характер воздействия общественного сознания на структуру военно-политических связей и на собственное поведение.

Показательным в этом смысле является вывод А.И. Скрыльника: «Внутренняя психологическая предрасположенность амбициозных политиков к быстрому и простому решению сложных конфликтных ситуаций нередко подталкивала генералов к принятию ошибочных решений» [12].

Поэтому к любому вооружённому столкновению следует подходить как к объективно-субъективному процессу, неподдающемуся жёсткой регламентации и точному расчёту.

Что касается **десятой ошибки**, то настораживает следующий факт – милитаризация международных отношений получает поддержку внутри отдельных стран.

Здесь, пожалуй, сомневаться не приходится, поскольку достаточно ощутимы различия в подходах к применению военной силы в странах, которые по-разному соприкасаются с происходящими конфликтами. Невооружённым глазом видно – чем дальше от «горячей точки», тем спокойней люди к нему относятся. И в этом смысле милитаризм местного масштаба получает молчаливое согласие «большинства населения».

Кроме того, обнаруживается, как правило, двойной стандарт гуманизма. Если гибнут представители своего государства, то справедливые требования возмездия и наказания «бандитов», «террористов» не заставляют себя долго ждать. Достаточно вспомнить, как реагировали США на гибель морских пехотинцев в Ливане, солдат в Сомали и других случаях.

Когда дело касается граждан другой страны, а тем более противника, то здесь циничный счёт на тысячи жертв мирного населения не вызывает яростной реакции. Так, бомбардировки Ливии и Ирака авиацией США, стрельба из установок залпового огня «Град» грузинским агрессором по Южной Осетии унесли десятки тысяч человеческих жизней. Очень скупомысленно поведали средства массовой информации об этих трагедиях, поскольку сильные мира сего не особенно осуждали США и Грузию. Такое закулисное «военно-политическое спонсорство» влиятельных государств не только не блокирует конфликты, а, напротив, даёт надежду на поддержку, если вооружённое столкновение войдёт в русло их национальных интересов.

И, наконец, внешний милитаризм стимулируется злоупотреблением властей в использовании армии для решения внутренних проблем. Неумение решать спорные вопросы в рамках страны без применения военной силы на деле неизбежно трансформируется в «зарубежное» продолжение подобной неспособности, что ещё сильнее нагнетает обстановку на планете.

Если взглянуть на историю мира последних двух десятилетий, то необходимо констатировать ещё один **просчёт – одиннадцатый**. Едва избавившись от своего противника в лице СССР, «империалисты всех мастей», и первую очередь США, развернули борьбу против «международного терроризма» и «стран-изгоев» [13].

Можно долго спорить, кто развалил небоскрёбы в Нью-Йорке и взорвал одну из стен Пентагона – Усама Бен-Ладен из своего афганского далёка, или, следуя принципу римского права «ищи того, кому это выгодно», сами американские спецслужбы. Но Америка нуждалась в поводе, чтобы развязать новый виток борьбы с «многочисленными врагами» на всём пространстве планеты и она его получила. Последовавшие затем конфликты и локальные войны, вызвали рост настроений антиамериканизма не только в странах востока, но и у части населения европейских государств, которое, обычно, в общем и целом симпатизировало Соединённым Штатам.

Но, как видится, Америка осознанно допустила некоторое падение собственного престижа в глазах мирового сообщества. На данном этапе истории её руководство серьёзно полагает – только борьба с воображаемым и реальным противником является необходимым условием динамичного развития государства и формирования американского народа.

Двенадцатая ошибка. Создание независимых государств в эпоху глобализации происходит на основе абсолютизации определёнными деструктивными силами исключительно своей выгоды, при полном игнорировании интересов других наций и народностей.

У национализма, сепаратизма и политической амбициозности ряда военно-политических деятелей есть общий знаменатель – гипертрофированный вирус эгоизма. Именно он ослепляет лидеров, общественные течения и силы, когда решаются жизненно важные проблемы мировой социальной материи. Стремительный взлёт к вершинам политического олимпа далеко не всегда совпадает с ростом военной культуры власти. К сожалению, она не может, как утверждал на переломе тысячелетий академик Н.Н. Моисеев: «...избежать тех или иных подводных камней и катастроф, способных увести в сторону поток развития событий» [14].

Вот почему неумение, нетерпимость и нежелание таких лидеров решать спорные проблемы цивилизованным способом закономерно приводят их эгоизм и амбициозность к предельно крайней и опасной форме своего проявления – вооружённому насилию и убийству людей. Здесь расчёт делается на использование страха как главного инструмента социально-психологического регулирования обществом или отдельными группами. Мало того, в условиях лавинообразного роста объёма и скорости информационного обмена в мире, данная практика уже неоднократно применялась к планетарному масштабу.

Смещение приоритетов властвования или навязывание своей воли другим в сторону морального и физического террора свидетельствуют о беспомощности и неспособности субъектов практики справиться с ситуацией иными, невооружёнными средствами.

Следовательно, далеко не случайно, что военно-политические процессы выходят из-под контроля и тогда, в условиях низкой политической культуры людей, обстановке всеобщего озлобления и психоза на первое место выдвигается старый, как мир, способ: огнём и мечём.

В последние годы всё чаще проявляется и такой **просчёт (тринадцатый)** в реагировании на вызовы культуры военной безопасности – повторяется одна и та же

схема возникновения и развития вооружённых конфликтов. Одинаково с опозданием осуществляется реакция на разгоревшийся пожар, хотя возможность его возгорания прогнозировалось. Не выполняется очень важное условие прекращения конфликта: мировая общественность не получает ответа на «сакральные» вопросы – кто виноват и что делать?

Практически, из дипломатического и военного лексиконов ушло понятие «агрессор». Между тем, с ясного определения этого «действующего лица» начинается анализ и предотвращение конфликта (прекращение в случае начала). «Замазывание» захватчика, растворение его в массе абстрактных факторов и сил фактически подталкивает милитариста к новым деструктивным действиям и делает жертву ещё более незащитной. Такой расклад, в свою очередь, замедляет обнаружение того абсолютного, что придаёт относительному подлинный смысл.

И в этом, пожалуй, сомневаться не приходится, кровопролития в Южной Осетии в августе 2008 года можно было избежать или сократить до минимума его последствия. Такая возможность имела, если бы сообщения о намерениях Грузии приступить к широкомасштабной операции «Чистое поле» были преданы гласности и взяты в расчёт на уровне «большой политики» в мае-июне, когда появилась первая информация о готовящейся акции. К сожалению, ничего подобного не произошло, что и привело к гибели почти двух тысяч человек среди мирного населения.

Спору нет, чужого горя не бывает, и суровая реальность требует относиться ко всем конфликтам с повышенным вниманием, а это значит необходимо исправлять **четырёхнадцатую ошибку** – реагировать на вызовы культуры военной безопасности следует задолго до того, как они возникают.

Обращает на себя внимание тот факт, что система безопасности, созданная во 2-й половине XX века и существующая ныне, неадекватна реальным угрозам. Кроме того, «новое политическое мышление» и попытки США закрепить своё единоличное лидерство на планете на данном этапе провалились. И нет ничего странного в том, что разрушительный потенциал в мире растёт, а механизмы, способные регулировать возникающие глобальные проблемы (терроризм, распространение ядерного оружия, увеличение количества внутри- и межгосударственных военных столкновений), пока ещё не созданы [15].

Вот почему необходимы определённый порядок предотвращения вооружённых конфликтов и разветвлённая система их блокировки или прекращения.

Таким образом, историческая практика и начало эпохи глобализации убедительно доказывают, что трагедии и катастрофы выступали, в том числе, и следствием неадекватного реагирования на вызовы культуры военной безопасности, обусловленных их деструктивным развитием.

Мировая социальная материя находится на рубеже, когда она либо порвёт с многовековой инерцией решать спорные вопросы силой оружия и сделает рывок к мирной реакции на такие проблемы, либо позволит этой тенденции унести народы к новым мукам вооружённых столкновений. Будет ли перейдён данный «Рубикон», покажет время, если оно ещё осталось, а также многообразные действия субъектов военно-политической практики.

Вне всякого сомнения, возможность превратится в действительность, если анализ возникновения, протекания и ликвидации конфликтов будет находиться в фокусе пристального внимания рационально мыслящих политиков, военных, учёных и всех тех, кому не безразлично будущее планеты.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Авторское понимание культуры военной безопасности следующее: *культура военной безопасности* – это пласт военно-политических отношений, предназначенный и реализуемый для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мировой социальной материи.
2. Чебан, Вал.В. Геополитическое положение и военная безопасность России / Вал.В. Чебан. – М.: НВНЦ «Отечество и воин», 1997. – С. 92-93.
3. Николаев, А.И. Россия на переломе (На переломе. Записки русского генерала). 2-е издание, переработанное и дополненное / А.И. Николаев. – М.: Современный писатель, 1999. – С. 125.
4. Назарова, Г.Ф. Культурный выбор третьего тысячелетия // Безопасность Евразии. – 2002. – № 2. – С. 357.
5. Столярова, Н.К. Уроки нашей жизни / Н.К. Столярова. – М.: «Полимаг», 2001. – С. 194-195.
6. См.: Фартышев, В.И. Последний шанс Путина. (Судьба России в XXI веке) / В.И. Фартышев. – М.: Вече, 2005. – С. 474.
7. Филатов, Т.В. Постмодернистская наука и экзистенциальные перспективы современной цивилизации / Под общ. ред. проф. О.И. Кирикова. – Воронеж: ВГПУ, 2008. – С. 8.
8. Evans, P. Embedded Autonomy: States and industrial Transformation. – Princeton, New York: Princeton University Press, 1995. Цит. по: Ван Зон, Г. Культ власти // Мир России. – 2007. – № 4. – Т. 16. – С. 155.
9. См. более подробно: Кириллов, В.В., Крючков, Ю.Н. Влияние войн на развитие и международное значение России в мире // Военная мысль. – 2008. – № 2. – 19-20.
10. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Воениздат, 1941. – С. 41.
11. Серебрянников, В.В. Социология войны / В.В. Серебрянников. – М.: Научный мир, 1997. – С. 359.
12. Скрыльник, А.И. Человек воинствен или миролюбив? // Безопасность Евразии. – 2007. – № 4. – С. 533.
13. См., более подробно: Филатов, В.В. Антифилософия (Записки подпольного парадоксалиста) / В.В. Филатов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 48.
14. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 191.
15. См.: Братерский, М.В. Мир и Россия сегодня и завтра // Безопасность Евразии. – 2007. – № 2. – С. 500.